

РАДОСТИ И ТРЕВОГИ

Только что закончились гастроли в Москве Таджикского молодежного театра имени М. Вахидова. Гастроли в Москве — это, вероятно, своеобразные уроки, которые проходят и сам театр, и московская сцена, так или иначе освещаемая репертуаром гостей, что-то становится ярче при этом «конкурирующем» свете, что-то уходит в тень.

Каковы же уроки нынешних гастролей Таджикского театра, театра молодежного? Речь идет не о возрасте исполнителей, но о той роли, которую избрал для себя коллектив, роли активного собеседника сегодняшней молодежи, поставника юных поколений. Благородная роль.

И слово здесь прежде всего за репертуаром театра. Молодежный театр из Таджикистана показал на гастролях в Москве пять спектаклей: «Протест семнадцати» Ю. Лиманова, рассказывающий о жизни молодого Ленина в сибирской ссылке; «Драматическую песню», инсценировку романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Б. Равенских и М. Анчарова; «Гвоздики» Н. Исламова — о таджикских комсомольцах, воевавших с басмачами; сатирическую мелодраму «Сорняки» С. Сафарова, клеймящую ту молодость, которая не знает молодости, а озабочена пожаром жизни. Из классики была представлена комедия Шекспира «Много шума из ничего».

Главный режиссер А. Кадыров — здесь главный не как единственно ставящий мэтр, но как человек, объединяющий вокруг себя все театральные силы.

На первый взгляд все в порядке с этим репертуаром.

В спектакле о молодом Ленине «Протест семнадцати» (режиссер М. Хаблов) Т. Разиков создает образ Ленина, полного жизни, светлых надежд. Ленину в постоянном движении. Шушенская ссылка словно бы и не сдвигает его ужом, непреодолимой своей «географией».

Есть в этом спектакле важная современная тема — великое духовное единство соединяет большевиков, особое рождается здесь братство —

как бы первые зачатки коллективизма, покоящегося на нежнейшей дружбе, трогательной заботе каждого о каждом. Интеллигентность, деликатность, душевность, бережное понимание чужого внутреннего мира — все это драгоценнейшие качества борцов за счастье народа.

Однако в спектакле этом, хорошо задуманном, хорошо начатом, многое вызывает тревогу. Например, художественное оформление (художник Л. Шпонько). Или сцена, когда полицейский появляется в момент собрания семнадцати ссыльных и, поднимая скатерть, словно ищет под ней «восемнадцатого», а затем, алчно выпив что-то из стоящего для «маскировки» графина, удовлетворенно крикнув, отбывает, едва ли не зачеркивает самый смысл происходящего.

Думается, не сумел драматург наполнить свое произведение подлинной, не только конкретно-исторической, но и «дополнительной» драматической конфликтностью, без чего не может существовать никакая историко-революционная трагедия. Расстановка сил, продиктованная жизнью, тут лишь начало сценического конфликта, без постижения особых внутренних пружинок конфликтной ситуации мы получим скорее урок политтраммы, нежели оригинальное художественное произведение. И поскольку многогранный образ Ленина раскрывается в спектакле лишь в связи с «протестом семнадцати» ссыльных против оппортунизма, драматический интерес постепенно переносится на фигуру смертельно больного революционера Ванеева (И. Гулямов). Но при всем уважении к этой светлой личности все же на подробнейшая история его болезни должна бы оказаться в

центре спектакля, герой которого — Владимир Ильич Ленин.

Резко диссонансирует между собой — и главный режиссер должен бы это услышать — лейтмотивы двух историко-революционных спектаклей — «Протеста семнадцати» и «Гвоздики» (режиссер М. Хаблов).

Если в «Протесте семнадцати» сказано о глубочайшем братском доверии бойцов партии друг к другу, то в спектакле «Гвоздики» — главное как раз некое «круговое» недоверие, всеобщая подозрительность, когда каждый, с кем идешь плечом к плечу, может вдруг оказаться предателем, шпионом, убийцей. Действительно впечатление оставляет этот одноактный спектакль. Отлично играют актеры: Т. Разиков — председатель реввоенсовета, З. Хушвахтова — одна из первых таджикских комсомолок, Н. Орипов — русский паренек Виктор, сражающийся с басмачеством. Финальная сцена, где появляется некий «человек в маске», который должен по голосу определить предателя, меня как страстного любителя детектива крепко держала в напряжении, как, впрочем, и весь зрительный зал.

Однако сама литературная основа спектакля, где подозреваются все комсомольцы отряда в том, что они пособники врага, представляется мне безнравственной. И когда выясняется, кто предатель, спектакль заканчивается. Уже поздно угадать, почему и что толкнуло его к врагам, психология измены остается за кадром. А без психологического анализа просто назвать предателем первого попавшегося человека, только что бывшего, как и все, испытанным бойцом, значит, утвердить разъедающую душу подозрительность.

«Драматическая песня» — не новый для Москвы спектакль, все мы помним, каким истинным театральным событием был инсценированный роман Н. Островского в постановке Б. Равенских.

Можно было бы упрекнуть театр в том, что «Песня» как особого жанра спектакля не получилось, не всем дано вы-

сочайшее драматически-музыкальное дарование Б. Равенских. Можно заметить, что и здесь (режиссер А. Кадыров) есть ощутимый стилистический разброд — сильные, прекрасные характеры революции соседствуют с фарсовыми, игрушечными фигурами врагов.

Но у спектакля есть внутренняя страстная сила убеждения, потому что артисты — Т. Разиков — Николай Островский, Б. Ятимов, играющий юного Павку Корчагина, И. Машрабов — Павел Корчагин в зрелости — пылко, одержимо повели нам о подлинных рыцарях революции. Сцена на строительстве железной дороги, где Павел Корчагин вырастает уже не просто в эпическое лицо времени, но заставляет вспомнить о героях легенд и мифов. — лучшая сцена спектакля по скупости средств художественной выразительности и богатству внутреннего эмоционального наполнения.

В центре гастролей оказался спектакль «Сорняки» в постановке режиссера Н. Джалолова. С истинным удовольствием переплощались артисты в те характеры, которые ни у кого не могут вызвать удовольствия, смеялись здесь над лояликами «бизнесменами», над торгашами, над теми, кто потерял юность в чаду угарной музыки, под коньяк и фальшивые улыбки «кулленных» зятяками представителем самых различных сфер бытового обслуживания.

Ведет спектакль прелестная девушка Махбуба — М. Мусоева, приехавшая в город учиться, но по простодушной наивности попавшая в любовные и «экономические» сети дельцов от прилавка. Есть у актрисы и сильные лирические сцены, и острое чувство смешного, когда органически соединяются открытая мелодрама и жесткая сатира. Есть в спектакле масштабные массовые сцены, правда, здесь хотелось бы несколько больше художественного вкуса, умного отбора деталей.

Хороши в этом спектакле все артисты: Н. Мусоева в роли главного соблазнаителя, Ш. Салихов, играющий доброго пенсионера, А. Кадыров — в образе

учителя преступной мафии, некоего «профессора» Олими.

И наконец классика — Шекспир. Открытость актерских темпераментов, небоязнь ярких страстей и жгучих конфликтов, умение одинаково полно жить трагедией и комедией — все это есть в Таджикском молодежном театре, играющем «Много шума из ничего» в постановке А. Кадырова. Заметим сразу же прекрасное исполнение К. Хамидовым роли вроде бы здесь далеко не главной, отца опозоренной Геро — Леонато. Если можно так сказать, артист этот сыграл как бы сразу за всех — и за Бенедикта, которого в первой части спектакля немного «проспал» Ш. Салихов, и за Клавдио, в чьем характере Г. Исламов не услышал ноты драматической, и за Булаву и Кизила, в ролях которых С. Мукаддамову и А. Кадырову так и не удалось пошепировски оглушительно рассмешить зрительный зал.

Спектаклю этому не хватает дерзкого озорства, пестрого «шума», о котором писал Шекспир, не хватает словно огнестрельного обмена репликами-афоризмами, которые ставят здешних Бенедикта и Беатриче в ряд с бессмертными Катариной и Петруччио. Ну и, конечно же, в угоду общему фамильярному обращению с классикой из шекспировской комедии убрано довольно много текста, причем именно такого, где объясняются те или иные загадочные поступки героев.

Но какое же резюме?

Молодежный театр верно чувствует свое название как высокое призвание. Репертуар театра именно это и отражает — он зовет к воспитанию лучших сторон человеческой натуры. Есть думающая режиссура, талантливые артисты. Чего же нет? Единства строгого вкуса в выборе драматических произведений, в отборе тех или иных средств художественной выразительности.

Уроки московских гастролей обнадеживают и тревожат. Что ж, может быть, именно в этой диалектике возможности будущего движения трудолюбивого коллектива.

И. ВИШНЕВСКАЯ.